

УДК 94(367)
DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.01

К. А. Кочегаров

**Русско-польские отношения накануне
первого Крымского похода.
Миссия в Москву Александра Скопа в начале 1687 г.**

Кочегаров Кирилл Александрович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9877-7381

Цитирование

Кочегаров К. А. Русско-польские отношения накануне первого Крымского похода. Миссия в Москву Александра Скопа в начале 1687 г. // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 12–27.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.01

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-09-42015.

Статья поступила в редакцию 15.01.2022.

Аннотация

В статье рассматриваются русско-польские переговоры о выработке совместного плана военных действий вскоре после заключения Вечного мира и союза. Речь Посполитая рассчитывала на российскую поддержку во время похода в Молдавию летом — осенью 1686 г., но не получила ее в достаточной мере. Русское правительство в это время было занято подготовкой первого Крымского похода. В конце 1686 — начале 1687 г. состоялся новый раунд русско-польских переговоров, в ходе которого Речь Посполитая попыталась добиться пересмотра и конкретизации планов совместных военных действий, чтобы провести будущую кампанию своих войск более эффективно. План Яна Собеского состоял из трех этапов. На первом Россия должна была штурмом взять османские крепости на Днестре, Очаков и Кинбурн, возможно — Азов, на втором — помочь польско-литовской армии разгромить Белгородскую орду и захватить Буджак, на третьем — при поддержке королевских войск вторгнуться в

Крым. Реализация плана могла принести определенные тактические выходы русской стороне, однако главнокомандующий В. В. Голицын категорически отказался от его осуществления. Причиной отказа было намерение русской стороны в текущей военной кампании оказать военно-политическое давление в первую очередь на Крымское ханство, не нанося серьезных ударов по владениям Османской империи в причерноморском регионе.

Ключевые слова

Россия, Речь Посполитая, Ян III Собеский, В. В. Голицын, русско-турецкая война 1686–1700 гг., первый Крымский поход 1687 г.

Весной 1686 г. между Россией и Речью Посполитой был заключен Вечный мир и наступательный антиосманский союз. По договору Москва обещала начать войну в текущем году, послав войска в Запорожскую Сечь и на переправы через Днепр, «где крымския войска обыкли переправлятися», а также велеть начать войну донским казакам. В следующем, 1687 г. должен был состояться поход русской армии «многими силами на самой Крым». При этом польско-литовские войска должны были в это время «воинским наступлением на турецкие войска и орды белгородския со всеми воинскими приготовлениями воинской промысл чинить, отвращая силы неприятельския, чтоб на войска их царского величества, случась с крымскими силами, не пришли»¹.

Заключение союза давало польскому королю Яну III Собескому надежду на овладение Молдавией, поход в которую был совершен летом — осенью 1686 г. Однако кампания закончилась неудачей². Это обусловило некоторое разочарование польско-литовских правящих кругов заключенным союзом, тем более что отдельные крымские отряды сумели пройти в Молдавию и Венгрию. В России между тем всю развернулась подготовка планировавшегося на весну Крымского похода, о чем польскому королю было объявлено соответствующими царскими грамотами с напоминанием о необходимости ударить на Белгородскую орду синхронно с русским наступлением на Крым,

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. С. 777–778.

² См. подробнее: *Chowaniec Cz. Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r.* Oświęcim, 2015.

то есть в марте 1687 г. Со ссылкой на 10-ю статью договора этого же требовало прибывшее во Львов с целью ратификации Вечного мира русское посольство во главе с Б. П. Шереметевым. После того как надежды на русскую поддержку в ходе молдавской кампании не оправдались, для короля, а также коронных и литовских магнатов стала очевидна невыгодность этих обязательств. На прошедших в декабре 1686 г. переговорах с русскими послами они отвергли зафиксированное в договоре описание военных действий, предложив России иную схему: переправиться на правобережье Днестра, атаковать турецкие крепости на Днестре (Казыкермен и др.), а затем Очаков, захватить их, и уже оттуда двинуться на Крым синхронно с ударом Речи Посполитой на Буджак (для последнего необходимо было русское подкрепление). При этом польско-литовские дипломаты категорически заявляли, что армия Речи Посполитой не сможет начать кампанию раньше мая³. Однако Шереметев и его товарищи категорически отказались принять указанный план, ссылаясь в том числе и на отсутствие полномочий, и просили изложить его в отдельной грамоте Яна Собеского на имя царей. Польская сторона заявила, что вышлет в Москву специального представителя для обсуждения новых условий военного союза⁴.

Этим представителем стал гонец Александр Скоп, ехавший в Москву в самый канун первого Крымского похода. В польских архивах не удалось найти каких-то упоминаний о подготовке и осуществлении его поездки, поэтому реконструкция данного эпизода русско-польских дипломатических контактов целиком осуществлена на основе отечественных источников⁵. Миссия Скопа не только дает представление об отношениях новоиспеченных союзников, но и позволяет пролить дополнительный свет на стратегии Варшавы и Москвы на причерноморском театре военных действий.

3 В кампании 1684–1686 гг. сбор польских войск завершился не ранее июля.

4 Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 409–410, 432, 437–438, 443, 451–452.

5 Основу указанной реконструкции составил столбец № 3 за 1687 г. из фонда № 79 «Сношения России с Польшей» РГАДА. Материалы этого столбца в основном были также переписаны в посольскую книгу № 230 (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 154–259об.), однако в силу очевидного сходства текстов ссылки на ее листы в дальнейшем не ставятся.

26 декабря 1686 г.⁶ на отпускной аудиенции, данной гонцу Василию Клобукову, после вручения ему ответной королевской грамоты литовский канцлер М. Огинский от королевского имени заявил, что Ян III «изволяет свое королевского величества о военном промыслу против неприятелей намерение к великим государем, к их царскому величеству, писать в своей королевского величества особой грамоте, с которою указал его королевское величество к великим государем послать нарочного своего королевского величества гонца Александра Скопа вместе с ним Васильем»⁷. В связи с этим королевская грамота к царям, данная последнему, лишь информировала Москву об отправке Скопа⁸.

Однако В. Клобуков задержался во Львове до 5 января⁹ «за потребами своими», и А. Скоп двинулся в путь раньше — 26 декабря, в день официального объявления о его миссии русскому дипломату. Эта поспешность свидетельствовала о значении, которое придавали его миссии при польском дворе. 20 января 1687 г. А. Скоп прибыл в Смоленск (раньше В. Клобукова), 31 января — в Москву. Помимо «любительной» грамоты Яна Собеского гонец привез также письма К. Гжимултовского и М. Огинского (польских послов, заключивших Вечный мир) В. В. Голицыну. 1 февраля Скоп был на торжественном приеме у царей в присутствии посольских дел оберрегента и его сына А. В. Голицына, вручив привезенные грамоты¹⁰.

В пространном послании Яна Собеского кратко сообщалось о прошедших переговорах с посольством Б. П. Шереметева, учиненной королем присяге на договор Вечного мира и союза и выражалось недовольство, что русские послы не имели ни полномочий, ни предложений по заключению более детального военного соглашения («способов о промыслех воинских»). В связи с этим король выслал Скопа к царскому двору, «дабы есмы, — как писал Ян Собеский, —

6 Все даты, кроме специально отмеченных, даны по старому стилю.

7 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 229. Л. 33, 43–44.

8 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 66–69.

9 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 229. Л. 51об.–52. При этом прибыл В. Клобуков в Москву 28 января, на три дня раньше А. Скопа, обогнав его уже на территории России.

10 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 1–4, 19, 27–27об. Проезжая грамота А. Скопу выдана 6 января 1687 г. н. ст. (Там же. Л. 6). Приписка об участии в аудиенции А. В. Голицына есть только в посольской книге: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 174.

как скорее ведати возмогли, как себе поступити, каким способом и х которому концу воинской обрацати совет».

Миссия А. Скопа стала еще одной попыткой королевского двора убедить Москву принять тот план кампании, который русские послы отказались обсуждать на переговорах во Львове. Подробное изложение этого плана с добавлением ряда новых деталей, не предлагавшихся русской стороне ранее, занимало основное содержание послания Яна Собеского. Король настаивал, что его войска, «несколколетнею войною изнужденные и разоренные», не могут начать боевые действия («на поле выйти»), как того требует русская сторона, «когда еще земля лдом прикрыта» (в марте), а сами они расквартированы «на сто миль от себя в Короне и в Великом княжестве Литовском». Располагать войска на зимовку недалеко от театра военных действий «вкупе», то есть вместе, не позволяли, по мнению Собеского, «границы наши, ни во что разоренные», и невозможность обеспечить пропитание армии в приграничных районах. Король отмечал, что запасы и скот для пропитания людей и лошадей туда надо доставлять «голодною и пустою стороною, несколько десять миль идучи», по суше, поскольку польско-литовские войска «Днестром так, как... царского величества Днепром ходу водного никоими меры имети не могут», тем более что, как говорилось в королевской грамоте, «трава по полям от Перекопи в первых числах апреля является, а у нас едва в мае месяце».

Собеский убеждал Москву, что если русская армия двинется на Крым сейчас, ей угрожает окружение и гибель на полуострове от голода и спровоцированных им внутренних раздоров: «ибо иногда татары, выслав жены свои или за город Кефу к черкесом, или к Добручю за Дунай, или в ыные какие крепкие места, сами совокупив будяков, великой и малой нагаи и орды белгородские, и нам всякое перерезав совокупление и учинение помочи, понеже бы войска наши для помянутых причин отвращения и разорения сил неприятельских толь скоро учинити не могли, всеми силами в поле скоро как легкие люди вышед, в Крыму войска вашего царского величества замкнуты (сохрани Боже усилствовали бы) и тако или глад учинити или х какому замешанию привести могли бы, а наипаче когда еще и от турков из ближних городов морем будут могли имети помощь». Страшая союзника возможным уничтожением армии в Крыму, Собеский предлагал русским царям свой, как он выражался, «лутшей, пристойнейший и пожиточнейший нам обоим монархом» план военных действий.

План состоял из трех этапов. На первом, ранней весной, русское войско должно было, переправившись на Правобережную Украину под Крыловом («или ниже, или выше, где лутчая способность покажетца») и спустив к Кодаку по реке струги с провиантом, осадить и взять турецкие крепости в низовьях Днепра, а также Очаков и другую, неназванную крепость, что «против ее (Очакова. — К. К.) обретаецца» (видимо, Кинбурн). Эта операция должна была перерезать сообщение крымских татар с белгородскими и исключить возможность прибытия в Крым османских подкреплений по суше. Собеский упрекал русскую сторону, что прошлогодний отказ России от перекрытия этих коммуникаций стал причиной того, что в 1686 г., «хотя... войска... царского величества в поле стояли, однако ж де крымские орды многие почасту на нас по переправам чрез Днепр под городами и Очаковым переправлялись и приходили». Король полагал, что на первом этапе часть русских сил можно было направить и для взятия Азова, чтобы открыть путь на море донским казакам.

На втором этапе русским военачальникам следовало разделить свои силы. Около 20–30 тыс. московских и казацких войск польский король просил выслать на помощь Речи Посполитой, которая совместно с ними должна была наступать на Белгородскую орду, взять Килию, Измаил, Тегину, Белгород (Аккерман), Браилов. Собеский обещал беречь русский вспомогательный корпус: «такое однако ж де дабы есмы соизволеного войска зело бережно употребляли, а х крови его (сохрани Боже) не приводили, но толко для множества страху и подкрепления чинов воинских держали». Ян III открыто признавал, что без русских подкреплений его армия не в состоянии самостоятельно противостоять белгородским татарам и взять Буджак под контроль: «инако прямыми силами турецкой и татарской силы удержати не возможем и осести нам в Будяках неподобно, не толко, что турецкие войска с сераскером, к тому назначенным, так, как и прошлых лет там подлинно обратятца и пойдут, но також де что и самые орды тамошние зело многие самой меньшей части хлеба голодному чрез толико далную пустыню войску без крови взяти не дадут». Ян Собеский подчеркивал величину сил противника на буджацком фронте. Соглашаясь с общепризнанной численностью белгородской орды (20 тыс. всадников), он в то же время обращал внимание союзника на то, что «понеже там нагаи великой и малой ис Крыму вышед, осели», общая численность татарских сил в указанном районе ныне возросла и составляет не менее 70 тыс. «людей воинских и рыцерских». Именно поэтому королю были необходимы царские подкрепления.

Взяв Буджак, Собеский обещал не только отправить их назад, но и прибавить к ним «часть знатную» своего войска для совместного с главными силами русской армии «скорейшаго и удобнейшаго» овладения Крымом (третий этап). Эти польские подкрепления (конница), по расчетам короля, должны были достигнуть русского лагеря в низовьях Днепра за три дня.

Суммируя свои рассуждения, Ян Собеский выделял три основных выгоды от реализации своего плана: 1) «разделение» и «рассечение» неприятельских войск и коммуникаций на первом и втором этапе кампании обеспечило бы безопасный марш главной армии на Крым; 2) возможность тесного взаимодействия обоих союзников, когда «один другому руку и помощь чинити и дати может и о всем подлинно по всяк день ссылатись»; 3) Крым, будучи блокирован союзными войсками, не сможет получить никакой турецкой поддержки сухопутным путем («разве морем»). Развивая последний тезис, польский король рисовал масштабную картину одновременного удара союзников по Священной лиге на Османскую империю, который позволит не только захватить Крым, но и освободить от векового османского гнета Константинополь: «Когда и его цесарского величества христианского войска чрез Темизвар в верху Дуная к Никополю пойдут, а венецыйские морем под Дарданеллю или до гирла морского дойдут..., тогда яко лавою некоею войска христианские, то есть его цесарского величества с правой руки, вашего царского величества с левой руки, нашего королевского величества с середины, венецыйские морем на поганские наступив силы, не токмо Крымом и Будяками, но и самым Констянтинополем... завладети возмогут». Собеский просил царские власти не обращать внимание на то, что его план не изложен в заключенном союзном договоре, который должен, по его мнению, содержать лишь общие союзные обязательства, тогда как конкретные военные планы следует разрабатывать, учитывая текущую конъюнктуру, которая постоянно меняется. Польский король просил Москву «для любви братцкой, для уничижения неприятелей, для примножения славы христианской» не тянуть с ответом на его предложения¹¹.

11 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 33–50. Грамота датирована 6 января 1687 г. н. ст. В описи 2 фонда 79 РГАДА, где хранятся подлинные грамоты польско-литовских правителей, отмечено, что королевское послание, присланное «с гонцом Александром Скопом», находится под № 255. Однако в действительности это подлинник грамоты Яна Собеского

Королевская грамота сопровождалась и письмом одного из главных творцов Вечного мира и союза — литовского канцлера М. Огинского (от 7 января 1687 г. н. ст.), адресованным В. В. Голицыну. Сообщая о своем «радении» и «желательстве», приложенном для ратификации королем «великого дела», которое «всему христианству пожиточное на уничтожение бусурман», Огинский отмечал, что именно они с Голицыным должны теперь «стеречь, чтоб ни с которой стороны ни малейший к недружбе и преступлению не был дан случай». В связи с этим литовский канцлер, сообщая о переговорах с русскими послами во Львове, просил Голицына прислушаться (принять в «крепкое размышление») к тем предложениям, которые озвучены в привезенной А. Скопом грамоте Яна Собеского. Он подчеркивал, что эти предложения Шереметев и его товарищи «хотя и пристойны, и самим разумом прозорливого разсуждения согласующияся быти узнали, однако в том ничево совершить не могуще», лишь обещали донести об этом в Москве. Канцлер просил принять во внимание, что «по совершенному искусству ведения войны, по ссылкам с союзниками не может быти лутчей, безопаснейший и совершеннейший способ к овладению и к повоеванию Крыму, что очистив все те городки, которые суть на препоне, и отсеки будяцкие и нагайские численные орды от собрания и помоществования друг другу, и затем тот спасительной и всему христианству пожиточной приняв совет, тем образом при помощи Божии... с неприятели креста святаго зачинали войну». Помимо этого, Огинский выражал надежду на укрепление и расширение контактов России с остальными союзниками по Священной лиге, и в первую очередь с папским престолом¹². Огинскому вторил и глава великого посольства в Россию в 1686 г. К. Гжимултовский (письмо от 3 января 1687 г. н. ст.), который в своем послании не только призывал принять предложенные Яном III условия военного союза, но и предлагал Голицыну рекомендацию, о которой «забыл» король: «очищая» Днепр от «турских селбищ», действовать осторожно «в делех казацких, кото-

(от 6 января 1687 г. н. ст.), врученный на отпуске русскому посольству Б. П. Шереметева. Помимо содержания, об этом свидетельствует в том числе и помета на обороте документа: «195-го июля в 25 день грамота к великим государем полского Яна короля, подали великие и полномочные послы боярин Борис Петрович Шереметев с товарищи». См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 255. Л. 1–10б. Где находится оригинал грамоты Яна Собеского, доставленный А. Скопом, неясно.

12 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 51–66.

рых (казаков. — К. К.) хотя сильная рука царского величества держать всегда может, однако ж по искужеству ведаем, что надеется на них совершенно никогда не может»¹³.

Несмотря на то, что в ответной царской грамоте (датирована 3 февраля) совет Яна Собеского принимался «любезно и всеусердно, желающе то з Богом начинаемое дело за помощь и силою святого его Христова непобедимаго оружия, а за общим христианским согласным промыслом в совершенство приводить», по сути предложенный польским двором план полностью отвергался. Переправа через Днепр под Крыловом или Чигирином и марш на турецкие городки и Очаков объявлялась весьма хлопотным делом для русской армии, а сам поход — трудным и изматывающим, поскольку на Правобережье, идя вдоль Днепра, необходимо переправляться через его притоки, в т. ч. Тясмин «и иные нужные переправы, в тех местех лежащие». Этот марш также бы не препятствовал выходу из Крыма татар, которые, перейдя Днепр, смогут беспрепятственно оказать поддержку нижнеднепровским крепостям «и к тем помянутым городкам войск наших, царского величества не допустить». Более того, ободренные татарской поддержкой, турки могут из крепостей «вывести конные свои войска и часть пехоты в помочь ему ж хану на войска наши», затруднив русским отрядам переправы и дальнейшее продвижение. Москва не гарантировала, что в этом случае она сможет воспрепятствовать и маршу части крымцев на владения польского короля и их соединению с белгородскими татарами. Царское правительство, вопреки мнению Собеского, настаивало, что «буцацкой орды никогда не збираетца болши дватцети тысяч, о чем нам, великим государем, совершенно известно». Более того, оставшиеся в Крыму татары могли бы совершить набег на «украинные городы» царского величества. «И какая б в том обоим нашим государствам была оборона, — заявлялось в царской грамоте, — и над неприятели поиск, потому что над ним ханом и над крымскими юрты промыслу за теми объявленными случаи никакова учинить будет нельзе, также и над городками, на Днепре лежащими, промыслу за вышеписанным же случаем учинить будет невозможно и таких ради препятий, а для лутчего при помощи Божией над тем неприятелем воинского промыслу изволяем мы, великие государи, наше царское величество по прежде намеренному нашего царского величества изволению и по договорам, как о том имянно вашему королевскому величеству чрез вышепомянутых

13 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 73–79.

послов наших донесено, ближним нашим бояром и воеводам, и Войска Запорожского гетману с нашими царского величества войски в назначенное вешнее раннее время и удобное время итти и промысл чинить, сколко всемилосердый Господь Бог помощи подаст». Лишь только после исполнения операции против Крыма Россия была готова помочь союзнику: «а когда благословлены будут оружия христианские над теми креста святаго неприятели, и тогда могут ближние наши бояре и воеводы, и гетман войск наших запорожских з гетманы войск вашего королевского величества обослався, советовать и над помянутыми на Днепре будучими городками чинить промысл». В это время, как полагали в Москве, королевским войскам «как над Буджаки, так и над иными турецкими городками... чинить воинской промысл будет свободно, занеж когда имети наши царского величества войска с крымскими орды военные потребности будут и тогда на ваши войска в случение крымские войска к белгородским прийти не могут, а турецкому салтану, оставя свои города, Белгород и иные войскам цесарским, а поморские страны венетом, приходить» на польско-литовские войска будет «невозможно». Русская сторона считала, что в этих условиях король «свободно» сможет осуществлять операции против Белгородской орды даже без помощи русских войск, которые посылать на соединение с польско-литовской армией «неудобно». Соответственно, королю напоминали о необходимости согласно букве договора «в раннее вешнее время, хотя не в марте, а в апреле совершенно войска свои подвигнути на того неприятеля». В завершение Яна Собеского информировали, что царские войска «как конные, так и пехотные из царствующаго... града двинулись», и просили, чтобы коронные и литовские гетманы сообщали боярам и воеводам о выступлении армии Речи Посполитой¹⁴.

При этом в письме к М. Огинскому (от 6 февраля) В. В. Голицын критиковал королевские планы, ссылаясь на личный опыт времен русско-турецкой войны 1672–1681 гг.: «Понеже я в тех краях и близ тех помянутых урочищ сам с войски ж напред сего был и совершенно сведом, объявляю, что то дело как о том в его королевского величества грамоте к великим государем нашим, к их царскому величеству ныне донесено, изображено и в листу твоём вышепомянутом объявлено,

14 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 85–109. Ср.: Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2 / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2001. С. 302.

чтоб войскам их царского величества против Крылова или Чигирина переправитца на ту сторону Днепра к тем городкам и промысл над ними чинить, и то неудобно, и войску царского величества в таких великих великих и тяжких переправах и в далных нужных переходах неспособно, понеж под те городки, как под Ачаков и под Казыкермень и иные идти будет трудно». В целом аргументация почти дословно повторяла ту, что уже была изложена в царской грамоте королю¹⁵. Получив отпускную аудиенцию 3 февраля 1687 г.¹⁶, А. Скоп покинул Москву после 6 февраля (дата проезжей грамоты), и уже 10-го числа был в Вязьме¹⁷.

19 марта в Белополье, на пути в Ахтырку — к одному из мест сосредоточения русских войск, В. В. Голицын получил письмо коронного гетмана С. Яблоновского, высланное 7 февраля из Львова. Гетман выражал радость по поводу заключенного союза и его ратификации монархами обоих государств, однако ничего не писал о будущем военном взаимодействии и планах польско-литовской армии на текущую кампанию¹⁸. Это показывает, что в Польше не собирались выполнять просьбы Голицына о начале боевых операций уже весной. Князь ответил Яблоновскому из Ахтырки 26 февраля, подчеркнув, что сейчас его главная забота — иметь «готовность к походу воинскому на неприятеля креста святого», выражая надежду, что и Яблоновский приложит «свое радение на ту святую и общую войну». «И что у тебя в готовности воинской поведитися будет, не запамятуешь и меня о том уведомляти», — заканчивал письмо главнокомандующий¹⁹.

В действительности в феврале — марте 1687 г. польские военные усилия концентрировались вокруг безуспешных попыток не допустить продовольственный транспорт в Каменец и воспрепятствовать набегам белгородских татар, лишь в начале апреля во Львове состоялась военная рада, установившая сроки сбора войск на конец апреля — начало мая, однако к этому времени в лагерь прибыло все-

15 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 110–132. Тот же текст, только без ссылки на личный опыт Голицына, содержался в ответной грамоте к К. Гжимултовскому. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 133–143.

16 В столбцах дата аудиенции замазана (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 80), но указана в посольской книге (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 208об.).

17 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 160–162.

18 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 9–11.

19 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 12–14об.

го пять хоругвей кавалерии и один regiment драгун. Одновременно всю весну между Речью Посполитой и Крымским ханством велась довольно интенсивная корреспонденция касательно возможного заключения сепаратного мира²⁰. При этом в готовившуюся в январе 1687 г. инструкцию для польского резидента, который должен был выехать в Москву, вписывались требования торопить Россию с началом военных операций: «dla następującej wiosny operationes bellicae poterat non patiuntur»²¹. Одновременно резидент должен был убеждать российский двор принять план войны, недавно посланный Яном Собеским через специального гонца (по имени не назван, но речь идет несомненно об А. Скопе)²². Все это, впрочем, осталось лишь декларацией на бумаге, поскольку резидент Д. Довмонт прибыл в русскую столицу со значительной задержкой, осенью 1687 г.

В русско-польских переговорах и переписке касательно совместных военных планов в конце 1686 — начале 1687 г. можно выделить два аспекта. *Во-первых*, несомненно, Ян Собеский хотел использовать содействие русской военной машины максимально выгодно для себя, заставив ее действовать против белгородских татар, которые доставляли Речи Посполитой немало проблем и с которыми ее обескровленная в результате четырех лет войны армия (и сам король это признавал) ничего не могла поделать. В глазах Голицына важность этого для польско-литовской стороны подтверждалась полученными в марте в русском лагере известиями о крупном набеге белгородских татар во главе с нураддином на Волынь. 13-тысячная орда сначала привела обоз с продовольствием в Каменец, а затем двинулась далее, опустошив земли «кругом Вышневеца, Тернополя, Почаева и иных приналежащих местах» («много убытку учинили и многих людей в полон взяли и ратных людей, тех, которые по селах и деревнях были, побрали»)²³.

20 Wagner M. Kampania kamieniecka 1687 roku // Biblioteka epoki nowożytnej. 2016. T. 5. № 2. Hortus bellicis. Studia z dziejów wojskowości nowożytnej. Prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu / pod red. K. Bobiatyńskiego, P. Gawrona, K. Kossarzeckiego, P. Krolla, D. Milewskiego. Warszawa, 2017. S. 469–472.

21 «В связи с наступающей весной военные операции промедления не терпят».

22 Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rękopis 422. S. 108–109.

23 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 44–46. Письма киевского полковника Г. Карповича (от 18 марта) и войскового экзактора Дмитрашки

Однако, *во-вторых*, не впадая в соблазн вести рассуждения в духе кабинетной стратегии, нельзя не обратить внимание, что план Собеского, при всех его намерениях перетянуть одеяло военного сотрудничества на себя, мог принести определенные тактические выгоды и ошутимые успехи русской стороне. Предложения польского короля об ударе на Азов и турецкие городки на Днестре были как раз вполне осуществимы, что показал третий, османский этап русско-турецкой войны 1686–1700 гг., когда русской армии удалось взять и то и другое, хотя и не в ходе одной кампании²⁴. Проблема, однако, заключалась в том, что у русского военно-политического руководства, и главным образом у самого В. В. Голицына, уже в 1685–1686 гг. сформировалась убежденность в необходимости нанесения главного удара не по османской военной инфраструктуре в регионе, а именно по Крымскому ханству с целью его военно-политического подчинения в той или иной форме. В этих условиях Голицын принять польские предложения не мог, даже перед лицом того, что никакой помощи (хотя бы в виде отвлечения на себя сил белгородской орды) царская армия в ближайшее время не получит. Русский главнокомандующий любой ценой стремился реализовать свою крымскую стратегию, что очевидно проявилось уже в ближайшие месяцы.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.

Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2 / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 295–328.

Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 30–49. DOI: 10.31857/S086956870012929-2.

Райчи (от 17 марта) гетману И. Самойловичу. Ср.: *Wagner M.* Kampania kamieniecka... S. 469.

24 Об основных событиях русско-турецкой войны и ее периодизации см.: *Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 30–49.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. 1676–1688. СПб.: в типографии II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 974 + 3 с.

Chowaniec Cz. Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r. Oświęcim: Napoleon V, 2015. 128 s.

Wagner M. Kampania kamieniecka 1687 roku // Biblioteka epoki nowożytnej. T. 5. № 2. Hortus bellicis. Studia z dziejów wojskowości nowożytnej. Prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu / pod red. K. Bobiatyńskiego, P. Gawrona, K. Kossarzeckiego, P. Krolla, D. Milewskiego. Warszawa: Neriton, 2017. S. 467–486.

References

Artamonov, V. A. “Strany Vostochnoi Evropy v voine s Osmanskoï imperieiĭ (1683–1699 gg.)” *Osmanskaia imperaia i strany Tsentral’noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy v XVII v.*, vol. 2, ed. by G.G. Litavrin, Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2001, pp. 295–328.

Chowaniec, Cz. *Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r.* Oświęcim: Napoleon V, 2015, 128 p.

Gus’kov, A. G., Kochegarov, K. A., Shamin, S. M. “Russko-turetskaia voĭna 1686–1700 gg.” *Rossiiskaia istoriia*, 2020, no. 6, pp. 30–49. DOI: 10.31857/S086956870012929-2.

Kochegarov, K. A. *Rech’ Pospolitaia i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o Vechnom mire.* Moscow: Indrik, 2008, 504 p.

Wagner, M. “Kampania kamieniecka 1687 roku.” *Biblioteka epoki nowożytnej*, vol. 5, no. 2. *Hortus bellicis. Studia z dziejów wojskowości nowożytnej. Prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu*, ed. by K. Bobiatyński P. Gawron, K. Kossarzecki, P. Kroll, D. Milewski. Warszawa: Neriton, 2017, pp. 467–486.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.01

K. A. Kochegarov

**Russian-Polish relations before the first Crimean campaign.
Alexander Skop's diplomatic trip to Moscow at the beginning of 1687**

Kirill A. Kochegarov

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9877-7381

Citation

Kochegarov K. A. Russian-Polish relations before the first Crimean campaign. Alexander Skop's diplomatic trip to Moscow at the beginning of 1687 // *Slavic Almanac*. 2022. No. 1–2. P. 12–27 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.01

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project no 20-09-42015.

Received: 15.01.2022.

Abstract

The article focuses on the Russian-Polish negotiations on the development of a joint plan for military operations shortly after the conclusion of the Eternal Peace and Alliance. The Commonwealth counted on Russian support during the campaign against Moldavia in the summer-autumn of 1686, but did not receive it sufficiently. The Russian government at the same moment was entirely engaged in the preparing of the first Crimean campaign. The new round of negotiations between Moscow and Warsaw took place at the end of 1686 — the beginning of 1687. The Polish diplomacy intended to review and to refine plans of the military cooperation to achieve its own goals in the most effective way. John Sobieski's military plan consisted of three phases. At first, Russian army was to march to the lower Dnepr to storm Ottoman fortresses located there, Ochakov and Kinburn, and possibly Azov, then to help the Polish-Lithuanian troops to defeat the Belgorod Horde and to seize Budzhak, and finally to invade the Crimean Peninsula, with the support of the king's troops. Should the plan have been fulfilled, the Russian government would have gained some tactical benefits, but the Muscovite commander, prince

Vasilij Golitsyn refused to accept it. The reason for the refusal was the intention of the Russian side in the current military campaign to exert military and political pressure primarily on the Crimean Khanate, without inflicting serious blows on the possessions of the Ottoman Empire in the Black Sea region.

Keywords

Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth, John III Sobieski, Vasilij Golitsyn, the Russian-Turkish war 1686–1700, the first Crimean campaign in 1687.